

К 50-летию ПОЭТА ВЛАДИМИРА ДЕМИДОВА

Признание в любви

Слово о юбиляре

Его анкетные данные таковы: родился в 1932 году в шахтерской Горловке. Отец был простым служащим, мать — безграмотная. В годы Великой Отечественной войны как сын погибшего солдата некоторое время воспитывался в детском доме им. Г. К. Жукова. В 14 лет пошел на производство. Работал лудильщиком, токарем, старшим пионервожатым, журналистом. Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Двадцать лет руководил горловским литературным объединением «Кочегарка» им. П. Г. Беспощадного. Первое стихотворение опубликовал в 1948 году, будучи учащимся ремесленного училища.

За каждой строкой этой, казалось бы, скупой на первый взгляд биографии стоят годы безотцовщины, лишней, несытных дней, нечеловеческого напряжения в труде и учебе... Каждую строку из нее можно развернуть в книгу о торжестве человеческого духа. И мысли. И братства наших людей, которые помогли Володе Демидову встать на ноги и раскрыть свой талант.

Он так и сделал, опираясь на многотрудный личный опыт, — создал около тридцати книг, выходящих одна за другой в издательствах Донецка, Киева и Москвы.

Лучшие поэтические книги Владимира Демидова «Листья начинаются с корней», «Моя биография», выпущенные в свет центральным издательством «Советский писатель», «На расстоянии любви», изданной в библиотечке журнала «Огонек», и, наконец, итоговый сборник избранных стихотворений «Высоты и глубины», появившийся на прилавках магазинов с выходными данными издательства художественной литературы «Дніпро», говорят о цельности, незаурядности и самобытности его таланта.

Неизменно, становясь под одной обложкой, стихи Владимира Демидова как бы смыкают ряды, выявляют свое единство, отмеченное бойцовским духом, целеустремленностью поэта, его живейшей заинтересованностью в том, чтобы мир был еще

лучше, чтобы и человек в этом мире был только честным, только праведным, самоотверженным в труде, искренним в привязанностях, неуступчивым в борьбе со злом, верным в любви и дружбе, переустройтеlem, а не созерцателем либо мещанином, и чтобы свято хранил он в сердце память о тех, кто не щадил жизни ради нашего нынешнего благополучия, а значит, был верным до конца бессмертному делу отцов и дедов, делу Революции. Призывая других к этому, поэт сам в открытую публицистически обнаженно дает клятву:

И если я забуду это
Хоть на минуту,
Отчий край,
Не называй меня поэтом,
Руки своей не подавай.

Такие стихи, как «Земля», «Башня Аввакума», «Солдатка», «Пичуга», «Ганс Вебер», «Совесть», «Разговор с друзьями» и многие-многие другие, лишней раз подтверждают, что клятва эта для Владимира Демидова — убеждение, выстраданное самим сердцем. Ибо взгляды поэта, его идейная убежденность слиты воедино с его художническим видением. И потому достигнуто высокое мастерство, художественные образы западают глубоко в душу, память. А отдельные строки звучат просто афористично: «Домой принес пустой рукав — войны беззвучный колокол», «Огонь в пластах, как в сотах, его века не старят. И взятый здесь высотам имени не дарят...».

Первые шаги в литературу были сделаны Демидовым под отеческим взглядом таких мастеров советской литературы, как Павел Беспощадный, Борис Горбатов, Михаил Светлов... Оттого, знать, и сам он впоследствии столько сил отдал становлению молодых литераторов родной Горловки. Пятнадцать из них окончили литературный институт и стали профессиональными писателями. Редкий пример! Не зря газета «Правда» в 1963 году целую страницу — первую в своей практике — посвятила творчеству горловчан.

Неутомимость, горячность в желании собрать вокруг себя начинающих писателей

существуют в нем наподобие неодолимых магнетических сил.

Помнится, когда я заканчивал медвуз в Киеве, на одном из очередных занятий республиканской литературной студии Владимир Демидов, тогда еще без единой сединки на висках, прочел небольшую поэму «От имени убитых», впоследствии названную им «От имени живых». Меня будто сквозным ветром ударило в грудь — от зрелости мысли и мастерства в ней. Поэт говорит от имени убитых на войне, от имени сирот, от любивших и недолбивших, заявляя:

Но войну забыть я не позволю,
Ощущаю с каждым днем сильней
Все, что стало нашей общей болью,
В том числе —
И личной моей.

Немного позже он допишет строки: «Люди, выйдите на орбиты Братства и Содружества. Открыты все пути для этих поэтических...» Как современно звучит этот страстный призыв и сейчас, по прошествии стольких лет! А тогда, после занятий, я подошел к автору и сказал, что мне предстоит выбрать направление на работу, хочу, дескать, проситься в отчие пределы — в Донбасс, но вот ко всему еще и пробую себя в литературе — куда бы лучше податься?

— Так к нам и приезжай! — живо откликнулся Владимир. — В Горловку! Знаешь, какие там у нас ребята! Не пожалеешь...

И каково же было его радостное изумление, когда спустя полгода я повстречал его на одной из улиц Горловки и сказал:

— Приехал вот... Как и договаривались.

А потом были шумные занятия в литобъединении, разговоры и споры до полуночи в больничном изоляторе, где я квартировал поначалу, а вскоре он уже vez рукопись моей первой книжки рассказов в областной центр на обсуждение в семинаре молодых прозаиков и в издательство.

Так же он опекал и других начинающих. И это было его особой страстью, независимо от того, обманыв-

вался он спустя какое-то время в своих подорочных или находил в них, в их успехах, в их жизненной позиции оправдание своим неуспешным заботам, усилиям, надеждам.

В юбилейном слове полагалось бы сказать и о Демидове-прозаике — он издал три лирические повести «Мужайтесь, юные!», «Детям нужны отцы», «Алешкино лето», о Демидове-песеннике — его песни «Травы детства», давно стала популярной в стране, о Демидове-публицисте — он нередко выступает со статьями на страницах «Правды», еженедельника «Литературная Россия», но скажем кратко: во всех жанрах он открыт как человек и гражданин, открыт людям со всеми пристрастиями, терзаниями, болью, упованиями... И еще: через все его талантливое творчество проходит неиссякаемое русло сыновней любви к отчей земле — Донбассу. В ней — его вдохновение, залог новых творческих удач.

Меня земля донецкая питала,
Она учила издавна меня
Горению угля,
стойкости металла
И радости продыmlенного
дня.
Проявила в душу
материнским взором,
И я поклялся,
что не уроню
Любви к ее обветренным
просторам,
Высокому и ровному
огню.

Это признание поэта в любви к родной земле, эта клятва на верность ей перекликается с той, о коей упоминалось в начале этих заметок, и сливается с нею в одну проникновенную клятву. И, перечитывая запово написанное Владимиром Демидовым, приходишь к тому, что все его творчество — как единая песня о родном шахтерском крае и его людях.

А впереди — новые замыслы и неизбежные «муки слова». Юбилей полон молодой энергии, творческих деяний. И мы, его земляки и друзья, верим в его счастливую звезду. Пусть же она горит, не стора, — долго-долго!

И. КОСТЫРЯ.

Владимир ДЕМИДОВ

Баллада

Преждевременная старость.
Боли с левой стороны —
Что кому,
А мне досталось
Малокровие
С войны.
«Это значит крови мало, —
Думал я, — течет во мне.
Вся она повытекала
Со слезами
На войне,
Как не вытечь,
Если рядом
С окровавленным отцом
Сквозь года
Под Сталинградом
Нас пометило свинцом!

Мама спросит:
«Как здоровье!»
Я отвечу ей:
«Здоров!»,
Зная, что от малокровья
Нет лекарств у докторов.
Врач сказал, что надо
Много
Вишен есть
И молока,
А в дому у нас
Ни бога,
Ни худого пятака.
Что получишь за солдата
На двоих его детей!
Та зарплата
Небогата,
Хоть солдата кровь
За ней.
Малокровье...
Я бледнею
И дрожу,
Хотя тепло...
Многокровие —
Вернее:
Много крови утекло!
Как забыть мне,
Что свобода
И земля
Моей страны
Многокровием народа
Для народа
Спасены!

Грушевая гора

Тишина
Над Грушевой горой,
Только дерево
Вздрыгнет порой.
Это ветер
Расплещет листву
И опять улетит
В синеву.
Под Грушевой горою
Река,
Как народная скорбь
Глубока:
И вода в ней
До самого дна
Даже солнечным утром
Темна.
Там солдаты
В решающий час
Головой заплатили
За нас.
Там когда-то
Гремела война.
Тишина.
Тишина.
Тишина.

Июльская ночь

Она ходила далеко
И, видимо, спеша,
Вдруг расплескала
Молоко
Из звездного ковша.
Но ей не жаль
Потери той
Со своего стола:
Хоть звездный ковш
Почти пустой,
Земля белым-бела.

На траве —
Следы копыт.
В котелке
Вода кипит.
Добавляй щепотку соли
И пируй себе
На воле.
От вечернего костра
На лугу
Трава нестра.
Ну а небо
На все лето
В звезды спелые
Одето.